

Никита Ломагин
ДНЕВНИК АЛЕКСЕЯ ФОГТА:
ГЛАВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ И ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА

Дневник Алексея Федоровича Фогта мне передал его сын, Алексей Алексеевич Панов (фамилия матери), 3 февраля 2022 года. Встрече с А. А. Пановым я обязан его сослуживцу — Григорию Константиновичу Стояновскому, с которым я был знаком еще с 1980-х годов. Алексей Алексеевич принес исписанные четким почерком тетради своего отца и рассказал об основных вехах жизни родителей и близких, которые были упомянуты в дневнике.

Итак, дневник Алексея Федоровича Фогта — это три большие (по девяносто шесть листов каждая) тетради и один блокнот¹. На отдельном листочке обозначены хронологические рамки каждой тетради, которые автор дневника назвал «томами»:

Том 1. [С] 18 декабря [19]41 г[ода] по 21 марта [19]42 г[ода].

Том 2. [С] 21 марта [19]42 г[ода] [по] 1 сентября [19]42 г[ода].

Том 3. С 1 сентября [19]42 г[ода] по февраль [19]43 г[ода].

Автор дневника отметил, что «в тетрадях отражены 440 дней блокады: 15 дней в 1941 г[оду], весь 1942 г[од] и 60 дней в 1943 г[оду]». Действительно, именно этот период нашел подробное изложение в дневниковых записях. Однако в них упомянуты также некоторые события весны 1943 года и представлены суждения о перспективах войны.

Алексей Федорович Фогт (3.02.1914 — 25.06.1991) родился в Петербурге, этнический немец. Его жена, Панова Людмила Васильевна

¹ Заметки сделаны в специальном блокноте, который использовали летчики для фиксации состояния самолета после полета и расписки авиатехника или авиамеханика о приемке самолета и об устранении дефектов. На обложке блокнота написано рукой А. Фогта: «С 28.7 (июль) [19]42 [года] по 1.9 (сентябрь) [19]42 [года]. Заметки дней отечественной войны. Фогт». Материалы этого блокнота включены в том 2 настоящего дневника. (Слово «отечественная» в данном контексте автор везде пишет со строчной буквы; эта авторская особенность сохранена. — Ред.)

(1917–2019), в период войны тоже находилась в Ленинграде, а с лета 1942 года была на военной службе и являлась, несомненно, одним из главных персонажей дневника. Алексей Фогт указал адрес, по которому они с женой занимали комнату: улица Марата, дом 30, квартира 16. У супругов было двое сыновей. Старший сын, Вадим, родился в 1944 году, младший, Алексей, появился на свет через десять лет.

Мать Алексея Федоровича Фогта — Нина Эрнестовна Фогт (Вехтерштейн) (1887–1970) — известный художник, иллюстратор, гравер — тоже была блокадницей. Она работала главным художником на Эмальерной фабрике «ЛЕНИЗО», занимаясь росписью². Ее произведения были представлены в бывшем Музее подарков Сталину в Москве³. В Ленинграде она проживала вместе с двумя сестрами на улице Петра Лаврова (ныне Фурштатская улица), в доме 12, квартира 11. Сестры Нины Эрнестовны умерли весной 1942 года, Ольга Спальберг — в конце марта, а Эмилия Вехтерштейн⁴, судя по записям Алексея Фогта, 6 (?) мая (в домовой книге указана дата 20 мая).

Отец Алексея Фогта — Федор Адольфович Фогт (1889–1939) — был также художником, графиком, педагогом. Учился вместе с Ниной Вехтерштейн в Академии художеств. В 1928 году он переехал в Витебск и работал завучем и преподавателем Витебского художественного училища, которое организовал Марк Шагал.

² Училась в Рисовальной школе Общества поощрения художеств (1903–1909) и в Академии художеств (1912–1918). Как художник-прикладник работала для фирмы Фаберже. С 1922 года работала художником-гравером в издательстве «Радуга», затем в течение ряда лет — художником-эмальером и руководителем Эмальерно-филигранной фабрики «ЛЕНИЗО». Постоянная участница ленинградских художественно-промышленных выставок. После Октябрьской революции ювелирное производство в СССР практически прекратилось на два десятилетия. Ленинградские ювелиры сберегли уникальную технологию, пронесли ее через блокаду, и уже в первые годы после войны стараниями Нины Эрнестовны Фогт вновь началось производство эмалево-филигранных изделий из серебра. Художница использовала в разработке эскизов к изделиям русские народные мотивы, приемы и технологии мастерских великого ювелира Карла Фаберже. В дневнике А. Фогта есть запись о месте работы матери и номерах ее рабочих телефонов: «Эмальерная ф[абри]ка. Фогт Н. Э. — А 146-16; А 630-06».

³ Предметы из этого музея входят в фондовое собрание Музея современной истории России.

⁴ В домовой книге — Вахтерштейн.

Ф. А. Фогт похоронен в Витебске. В 2019 году на здании училища была установлена мемориальная доска Федору Адольфовичу Фогту⁵.

Алексей Федорович Фогт был музыкантом-любителем, сочинял музыку, играл на фортепиано. В дневнике есть несколько упоминаний о его участии в музыкальной самодеятельности в период блокады. После войны Алексей Фогт сделал запись своих сочинений в звукозаписывающей студии на Невском проспекте, 54. Они хранятся у Алексея Алексеевича Панова в цифровом формате. Панов также сообщил, что его отец был очень высокого роста. В условиях чрезвычайных трудностей с продовольствием, топливом и обмундированием это обстоятельство создавало ему дополнительные сложности, особенно с питанием.

В дневнике отразилась история жизни и борьбы ленинградской семьи в период блокады. Главное внимание Фогт уделяет жене, забота о которой является одним из важнейших мотивов его жизни. В поле зрения находится мать, которую Алексей старается по возможности навещать, время от времени помогает с дровами, приносит воду, иногда делится едой, пишет ей письма. О тетках, которые жили вместе с его матерью, упоминает лишь дважды, фиксируя их предсмертное состояние и известие о смерти. В дальнем круге — находившиеся в эвакуации родители жены, которым Алексей обещал заботиться об их дочери. Они значимые собеседники автора дневника, перед ними Алексей Фогт несет ответ за оставшуюся в Ленинграде Людмилу, которой в сентябре 1942 года исполнилось двадцать пять лет.

Взятые Алексеем обязательства перед тестем в случае необходимости эвакуировать жену играли немалую роль при принятии решения этого вопроса зимой 1941–1942 годов. Незримое присутствие Василия Андреевича и Лидии Николаевны Пановых в качестве внешних наблюдателей за всем, что связано с обстоятельствами жизни Людмилы, проецируется на поведение Алексея Фогта, которому важно мнение родителей любимой им жены в связи с наиболее значимыми изменениями в ее жизни: отказом

⁵ В дневнике есть единственное упоминание об отце, сделанное 15 июля 1942 года: «Помню, как папа любил “Интернационал” и всегда садился за рояль играть его. В гимне вся сила и мощь нашего народа, который неприступной стеной стоит на защите своей Родины».

от эвакуации, устройством на работу, а затем и началом воинской службы. «Что бы сказали Лидия Ник[олаевна] и Вас[илий] Андреевич...» — один из рефренов дневника применительно к событиям, относящимся к миру семьи Алексея. Этот внешний фактор тем не менее ни в коей мере не был решающим для отношений молодых людей. Настоящее глубокое чувство определяло поведение Алексея в отношении жены — повседневную заботу о ней, желание защитить, помочь, спасти.

Любовь Алексея к жене в условиях войны и чрезвычайных ограничений, вызванных не только требованиями служебной дисциплины, но и истощением, занимает чуть ли не главное место в дневнике. Откровенный рассказ о голоде, о своем физическом состоянии, о желании близости, встречах с Людмилой и связанных с этим переживаниях — все это значимо не только в контексте семейной истории и отношений супругов, которые вместе смогли все преодолеть, но и для общего представления о роли любви (в том числе плотской) как фактора личной мобилизации. Пожалуй, это первый из известных мужских дневников, в котором автор весьма откровенно об этом говорит.

Ряд записей о встречах молодых людей впоследствии был заклеен, очевидно, Людмилой Васильевной Пановой, у которой хранился дневник до ее смерти. Именно она, со слов сына, настаивала на том, чтобы дневник мужа, которого она пережила на тридцать лет, был опубликован. Ей принадлежат записи, сделанные на последних страницах двух тетрадей дневника уже в августе 1943 года: «Цензурой допущено к единичному тиражу» и «Допущено семейной цензурой. Засекречено и передается во временный архив». Ниже стоит подпись «Л. Панова».

Дневник представляет собой большую редкость с точки зрения, прежде всего, личности самого автора, воспитанного в интеллигентной и непростой для советского политического контекста того времени семье. Забегая вперед, отметим, что в дневнике нет ни малейшего намека на то, что у Алексея Фогта были проблемы по службе из-за его происхождения и немецких корней. Он вступил в партию⁶, неоднократно получал служебные повышения.

⁶ О вступлении в партию: «...Беспартийным быть сейчас — это быть отшельником жизни. Надо идти в авангарде» (запись от 27 марта 1942 года).

Алексей Фогт до войны был военным инженером, мостовиком. Образование получил в Ленинградском архитектурно-строительном техникуме. Работал в военной проектной организации № 407. 7 августа 1941 года был призван в армию и начал службу младшим лейтенантом. Штаб его части находился в подвале Троице-Измайловского собора. Рядом было общежитие начсостава. Войну Алексей Фогт закончил в звании капитана, воентехника 2-го ранга.

Особенность дневника не только в том, что его вел молодой образованный человек, прекрасно знавший свой город. Подробные записи об изменениях облика Ленинграда в самый сложный период блокады — с декабря 1941 года до ее прорыва в январе 1943-го — делал профессиональный военный инженер-строитель, отражая последствия бомбежек, обстрелов, пожаров. В дневнике представлены некоторые сведения и о разборе домов, а также строительстве оборонительных сооружений. Подобных источников личного происхождения практически нет⁷.

Общее фоновое явление, кроме страшного голода, проходящее через весь дневник, — это артобстрелы, которых не только население, но и военные серьезно опасались. Еще один фактор — холод. Автор отмечает, что «с дровами тоже нехватки. Дрова ценятся так же, как хлеб».

Один из очевидных вопросов при чтении дневника связан с двумя, подчас конкурирующими, целями Алексея: быть хорошим (или даже образцовым) офицером и защитником города, с одной стороны, и сохранять постоянный контакт с женой — с другой. В дневнике множество примеров помощи и заботы Алексея, прежде всего о жене, которую он называл Милушкой, Милашкой, Роднулькой и так далее.

В июле 1942 года Алексей пишет: «Моя Милушка может служить примером одной из ленинградских героинь. Помню, как она, бедняжка, будучи на Васильевском острове, таскала на 6-й этаж бесконечные ведра с водой и прочие хозяйственные вещи.

⁷ В распоряжении историков есть, например, лишь отдельные записи инженера-связиста штаба Ленинградского фронта В. И. Житомирского. См.: *Житомирский В. И.* «В Москве считают, что ленинградцы получают санаторный паек» // «Сохрани мои письма...»: Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / сост. И. А. Альтман, Р. Е. Жигун, Л. А. Тёрушкин; под ред. и с предисловием И. А. Альтмана. Вып. 6. М.: Центр «Холокост», 2021. С. 119–128.

А путь за водой на Неву, а очередь в мороз за хлебом? Сколько раз я был у Милашки, и всегда она радостная и неунывающая. Молодец. Героиня в буквальном смысле слова».

Из дневника мы узнаем, что, несмотря на то что Алексей Фогт не был кадровым военным, он, находясь в городе, продвигался по службе, стал помощником начальника штаба полка и при этом смог не только сохранить, но и укрепить отношения с женой, и вместе они сумели поддержать испытывавшую постоянный голод мать Алексея. Она выжила во многом благодаря помощи своей невестки, которая стала донором и делилась с ней своим дополнительным пайком, а также «передачам» хлеба, сахара и других сэкономленных продуктов, запасы которых делал Алексей, выкраивая их из своего пайка, а также благодаря спорадическим «добавкам» каши или супа из офицерской столовой. Огромную роль в том, что его мать выжила, сыграли и ее коллеги. 19 апреля 1942 года Алексей пишет о том, что у матери украли карточки, но ее выручил Союз художников, «который дал московские посылки с концентратами каш и шоколадом». Такая помощь со стороны москвичей в период блокады осуществлялась «снизу», то есть по инициативе самих творческих работников — писателей и художников. Узнав от прибывших в Москву в командировку коллег из Ленинграда о трагическом положении, в котором оказались их товарищи по цеху, москвичи оперативно собирали небольшие продовольственные посылки, чтобы хоть как-то помочь голодающим. Собирала посылку (продукты и лекарства)⁸ для товарищей по Радиокomiteту оказавшаяся в марте 1942 года в Москве Ольга Берггольц, отмечая при этом, что партийное руководство Ленинграда не поддерживало подобную практику⁹. По этой причине помощь носила спорадический

⁸ «Единственное, что мне удалось сделать для наших ребят, — записала Берггольц в дневнике 20 марта 1942 года, — это выклянчить в Наркомпищепроме 7 ящиков апельсинов и лимонов, 100 банок сгущенного молока, 10 кило кофе. Это все же! Сегодня моталась — собирала по разным складам лекарства, — собрала» (Берггольц О. «Я пишу здесь только правду»: Из дневников. 1923–1971. СПб.: Азбука, 2024. С. 432).

⁹ Первый секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданов, по словам Берггольц, отправил в Москву телеграмму с требованием прекратить посылку индивидуальных подарков организациям в Ленинград, так как это вызывает «нехорошие политические последствия» (Там же. С. 433–434).

характер, да и не могла в принципе решить проблему, так как в Москве также были введены карточки на основные продовольственные товары еще с 18 июля 1941 года.

Про свои записи и суть дневника Алексей Фогт высказывался неоднократно. Так, 12 января 1942 года он говорит о том, чему посвящены его наблюдения: «В общем, жизнь очень монотонна в работе, как обычно. Главным образом речь идет о шамовочке¹⁰. Но, конечно, о непосредственных делах по службе писать неудобно, да и для личного дневника моего это не имеет существенного значения. Кое-какие моменты, конечно, повествуются». Как мы увидим, автор постоянно выходит за пределы личного.

Ведение дневника исключительно важно для Алексея Фогта, это отдельный мир, в котором есть прошлое, настоящее и будущее. Справляться с тяготами настоящего помогают не только борьба с врагом и любовь к жене и матери, но и воспоминания о довоенной жизни и надежда на возвращение к ней. 4 мая 1942 года он пишет: «Дневник — интересная штука, потом будет что вспомнить и прочесть, если судьба оставит жизнь человеку. Сейчас время тяжелое. Борьба и борьба. Милушке тоже трудно. Особенно в смысле питания. Ну ничего, как-нибудь».

Несмотря на чрезвычайные обстоятельства жизни, Алексей Фогт старался аккуратно вести дневник. Так, 15 мая 1942 года он вскользь заметил, что пишет «эти строки на отдельную бумажку, чтобы потом переписать в тетрадку». Еще одна запись про дневник сделана 10 июня 1942 года: «Хорошо, что можно запечатлеть свои мысли на бумаге, это очень ценно, т[ак] к[ак] в такие трудные минуты надо все запечатлеть, чтобы потом вспоминать», а 4 июля сетует на то, что «несколько запустил записи» в дневнике и «поэтому приходилось их делать по пути в разных блокнотах. Пользуюсь свободной минутой, чтобы восстановить».

Алексей не прерывал свои записи даже во время болезни. 23 октября 1942 года он отметил: «С утра промываю глаза, а потом иду к Саше¹¹. Делаю поверку всех документов, потом обед. Стараюсь ничего не писать, т[ак] к[ак] это влияет на зрение, но

¹⁰ От глагола «шамать» — «есть» (простореч.).

¹¹ Речь идет о его непосредственном начальнике — капитане Александре Степановиче Храбростине, помощнике начальника штаба полка. Впоследствии А. С. Храбростин был назначен начальником штаба полка.

дневник все же пишу, т[ак] к[ак] это уже вошло в привычку и не хочется бросать систематическую запись давно начатого дела, скоро будет год, как я делаю заметки дней отечественной войны».

Дневник также уникален как по объему, так и по представленному в нем спектру разнообразной информации: о службе в армии ПВО, которая защищала Ленинград от воздушных налетов противника, об участии в создании внутренней обороны Кировского района Ленинграда, о городе, его облике в течение полутора лет войны, о пригородах, куда несколько раз по делам службы он выезжал, о блокадной повседневности в целом и особенностях жизни младших офицеров в частности (ежедневном рационе, черном рынке, работе транспорта, способах коммуникации с близкими) и, наконец, о личной жизни, прежде всего отношениях с женой и матерью. Таким образом, сведения, которые содержатся в дневнике, проливают свет на целый ряд важных вопросов, которые во многом остаются нераскрытыми, в том числе: как жили военные, находившиеся на котловом довольствии и имевшие семьи? Каким был их рацион в период блокады? Была ли у них возможность помогать близким? Если да, то как часто и в каком объеме это происходило? Как в целом они воспринимали блокадную повседневность за пределами части? Каким образом строились отношения военных с гражданскими, например, при пользовании трамваем, баней, при посещении иных общественных мест? Как осуществлялась бытовая коммуникация в условиях города-фронта, где существовала иерархия потребления, при которой паек военных, особенно тех, кто получал так называемую первую линию¹², был существенно

¹² Первая линия (с 22 сентября 1941 года — первая категория) продовольственных норм устанавливалась для красноармейцев и начальствующего состава боевых частей действующей армии согласно Приложению № 1 к приказу НКО СССР от 22 сентября 1941 года. В условиях Ленинграда по решению Военного совета Ленинградского фронта эти нормы были ниже, чем в Приложении № 1, но почти вдвое превосходили нормы для рабочих и инженерно-технических работников. В частях Ленфронта количество калорий в суточном рационе со 2 октября 1941 года снижалось в три раза. По полевому пайку (1-я линия) оно первоначально было понижено до 3243 калорий против 3590 по норме приказа НКО № 312 1941 года, вторично оно было снижено до 2737 калорий и, наконец, с 20 ноября 1941 года — до 2362 калорий, то есть почти до уровня физиологической нормы. Таким образом, калорийность суточного рациона, предусмотренного в самый тяжелый период блокады, составляла две трети рациона, предусмотренного

больше норм, положенных по рабочей карточке, не говоря уже о служебной и иждивенческой. Наконец, соблюдались ли требования воинской дисциплины, категорически запрещавшие самовольные выходы военных в город, а также участие в обменных операциях на черном рынке?

СЛУЖБА АЛЕКСЕЯ ФОГТА: ЗАДАЧИ, ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Алексей Фогт служил во 2-м зенитно-пулеметном полку, которым командовал полковник Иосиф Тимофеевич Цвик. В дневнике он часто упоминается как «командир». Это один из важнейших персонажей дневника, особенно его «служебной» части. Цвик отдавал Фогту приказания, контролировал его работу, согласовывал выходы в город по делам службы и личным вопросам. Начальником штаба полка был капитан Федор Иванович Комаров. Его Фогт обычно называл в дневнике по имени и отчеству.

Алексей Фогт был отличным специалистом в своей области и не только. По сути, он являлся мастером на все руки и, кроме широкого спектра работ инженерно-строительного профиля, умел печатать на машинке, по поручению комполка готовил отчеты и различные документы, участвовал в оформлении выставок, выступал в армейской самодеятельности. Он был ценнейшим работником и вполне заслуженно пользовался поддержкой товарищей по части и самого командира. Не случайно Фогт весьма преуспел по службе, став, как уже отмечалось, помощником начальника штаба полка. Однако при этом важно учитывать контекст службы в городе в целом и в полку ПВО в частности.

С первых дней войны полк отражал налеты вражеской авиации на город. В течение всей блокады полк базировался непосредственно в Ленинграде, в основном в Кировском районе. Полк входил в состав 2-го корпуса ПВО и находился под пристальным вниманием командования фронтом и городского руководства.

упомянутым выше приказом НКО. Что касается калорийности тылового пайка (2-я линия), то с 20 ноября он составил всего 1390 калорий, то есть половину положенной калорийности и чуть более 60 % от физиологической нормы. См: Ленинград. Война. Блокада. Дорога жизни: материалы и исследования. СПб.: ГАЛАРТ, 2018. С. 146.